

А. П. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратовское книжное изд-во, 1958.

Сборник статей проф. А. П. Скафтымова, вышедший в свет в Саратове в 1958 г., является первым собранием его научно-исследовательских работ, рассеянных в разных специальных изданиях¹.

Однако никак нельзя сказать об этих работах, что они «втерлились» на страницах тех или иных малотиражных академических журналов и остались незамеченными кругом читателей, к которому были обращены. Советская научная и литературная общественность давно знает и высоко ценит А. П. Скафтымова как автора книги «Поэтика и генезис былины», как основоположника научного изучения художественной прозы Чернышевского, ее лучшего редактора и комментатора, как исследователя творчества Л. Толстого и Достоевского, Островского и Чехова.

Велики заслуги А. П. Скафтымова и как многолетнего руководителя кафедры русской литературы Саратовского государственного университета, выдающегося лектора и педагога, воспитателя нескольких поколений преподавателей высшей и средней школы, многие из которых и сами уже пользуются заслуженной известностью.

В рецензируемом сборнике перепечатано двенадцать историко-литературных работ А. П. Скафтымова, из которых самая ранняя опубликована была в 1924 г. (две основные главы из книги «Поэтика и генезис былины»), а самая поздняя относится к 1952 г. («Белинский и драматургия А. Н. Островского»).

В сборник вошли также следующие работы: «О стиле „Путешествия из Петербурга в Москву“» (1929), «Чернышевский и Жорж Санд» (1928), «Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости» (1939), «Сибирская беллетристика Чернышевского» (1940), две статьи о Л. Н. Толстом — «Идея и формы в творчестве Л. Толстого» (1929) и «О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого» (1930), четыре исследовательских этюда о Чехове: «О повестях Чехова „Палата № 6“ и „Моя жизнь“» (1948), «К вопросу о принципах построения пьес Чехова» (1948), «Пьеса Чехова „Иванов“ в ранних редакциях» (1948) и «О единстве формы и содержания в „Вишневом саде“ А. П. Чехова» (1946).

А. П. Скафтымов по самому строю своего мышления — диалектик, враг всяческого догматизма. В центре его научно-исследовательских интересов всегда стоит изучение внешней и внутренней структуры того или иного художественного произведения, его тонкий идейно-тематический и композиционно-стилистический анализ, итогом которого является мастерское определение специфики творческого метода писателя, строго исторически локализованное. Чтобы не быть голословным, напомним хотя бы очень ценные по своей значимости и глубине обобщения, которые содержатся в заключительных страницах статьи А. П. Скафтымова «К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова»: «Одной из особенностей дочеховской бытовой драмы является поглощенность и заслоненность быта событиями. Будничное, как наиболее постоянное, нормально-обиходное и привычное здесь почти отсутствует. Минуты ровного, нейтрального течения жизни бывают лишь в начале пьесы как экспозиция и отправной момент к сложению события. В дальнейшем вся пьеса во всей ее идеологической ткани уходит в событие; ежедневно-обиходное течение жизни отстывает на дальний план и лишь кое-где упоминается и подразумевается». И далее: «Совершенно иное у Чехова. Чехов не ищет событий, он, наоборот, сосредоточен на воспроизведении того, что в быту является самым обыкновенным. В бытовом течении жизни, в обычном самочувствии, самом по себе, когда ничего не случается, Чехов увидел совершающуюся драму жизни (...) Поэтому у Чехова, вопреки всем традициям, события отодвигаются на периферию, как кратковременная частность, а обычное, ровное, ежедневно повторяющееся, для всех привычное составляет главный массив, основной грунт всего содержания пьесы. События, имеющиеся в пьесах Чехова, не выходят из общей атмосферы текущих бытовых состояний. Распределяясь по всей пестроте перекрестных интересов, бытовых привычек и случайностей, они не являются узлами всеобщей сосредоточенности, они включаются в общую ткань пестрой жизни, входя в нее как часть, как некоторая доля и частность» (стр. 318 и 320).

Определяя особенности своего подхода к вопросам стиля и композиции, А. П. Скафтымов в своих лекциях и докладах не раз подчеркивал, что его прежде всего занимает «внутренняя логика» художественной структуры, а не «психология» автора или самодовлеющий анализ тех или иных приемов поэтического письма. И далее, мотивируя свое одинаково отрицательное отношение и к «формальной школе» в литературоведении и к предшествовавшим ей субъективно-идеалистическим концепциям других теоретиков литературы, А. П. Скафтымов замечал: «Психологистика Д. Н. Овсянико-Куликовского и его эпигонов для меня всегда была столь же произвольна, как литературно-исторические построения Д. Мережковского или М. Гершензона. Столь же произвольны были концепции фрейдистов и переверзевцев. Все по-разному, но все одинаково безответственно „свое“ навязывали автору.

¹ Настоящий сборник содержит 392 стр. Цена 12 р. 85 к.

Я же, в меру своих возможностей, всегда старался сказать о произведении только то, что оно само сказало»².

Все статьи, включенные А. П. Скафтымовым в его сборник, перепечатаны без изменений, несмотря на то, что со времени выхода некоторых из них в свет прошло уже более четверти века.

Разумеется, всякого рода дополнения и уточнения, вносимые исследователем в его ранние работы, на основании новых фактов и наблюдений, своих и чужих, повышают коэффициент полезного действия этих работ, перебрасывают мосты между вчерашним и сегодняшним днем в изучении тех или иных проблем нашей науки. Но вполне законна и другая точка зрения, оправдываемая волей автора-первооткрывателя, сохранить свои работы в той самой форме, в которой они вошли когда-то в научный оборот, его желанием напомнить о них в строго историческом плане, пренебрегая соблазнами их модернизации.

Конечно, далеко не каждый исследователь может пойти на риск перепечатки своих старых статей без оглядки на позднейшую литературу предмета даже в тех случаях, когда эта литература (бывает ведь и так!) исчерпывается продукцией его эпигонов и вулгаризаторов. Но А. П. Скафтымов безусловно мог избрать второй из отмеченных нами типов переиздания специальных трудов, потому что важнейшие из его историко-литературных построений бесспорно выдержали проверку временем. И общие литературно-теоретические предпосылки концепций А. П. Скафтымова, и многие из его конкретных наблюдений, анализов и формулировок не утратили своего крупного значения и сейчас, несмотря на то, что некоторые проблемы, поставленные им в свое время, впоследствии оказались решенными несколько иначе, на более широком сравнительно-историческом материале. Так, размышления в области поэтики русского былевого эпоса и его исторического генезиса, начатые А. П. Скафтымовым еще в 1924 г., в пору его борьбы с ошибками «исторической» школы В. Ф. Миллера, были успешно продолжены другими советскими фольклористами, а недавно эта проблематика вновь привлекла к себе внимание научной общественности в работах Д. С. Лихачева, посвященных историческим судьбам былин раннего и позднего средневековья³, и в книге В. Я. Проппа «Русский героический эпос» (Л., 1955). Так, целый ряд новаторских заключений А. П. Скафтымова об особенностях стиля Радищева⁴ был существенно уточнен в работе Н. Ю. Шведовой «Общественно-политическая лексика и фразеология в „Путешествии из Петербурга в Москву“»⁵. Так, наконец, в его основополагающие текстологические работы о романах Чернышевского «Алферьев», «Пролог», «Отблески сияния» внесены были значительные коррективы в результате новых разысканий Э. Л. Ефременко, посвященных «Публикации художественных произведений Н. Г. Чернышевского»⁶.

Мы понимаем нежелание исследователя осложнять аппарат ссылками на позднейшую литературу. Но отмеченные нами работы, основанные на новом материале и новых методах его освещения, представляют настолько большой интерес, что их бесспорно следовало указать, хотя бы в подстрочных примечаниях.

Статьи, включенные в рецензируемый сборник, дают достаточно четкое представление об основных линиях научно-исследовательских интересов А. П. Скафтымова и о характере его вклада в советское литературоведение. Мы трезво учитываем воз-

² Стенограмма выступления А. П. Скафтымова на заседании Ученого совета филологического факультета СГУ 11 октября 1950 г., посвященном 60-летию со дня его рождения.

³ В сб. «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в.», т. I, 1953.

⁴ В статье «О стиле „Путешествия из Петербурга в Москву“» (1929) А. П. Скафтымов выступил против традиционных представлений об особенностях литературной манеры Радищева, о которой один из авторитетнейших представителей академического литературоведения еще в 1920 г. безапелляционно утверждал, что «по „Путешествию из Петербурга в Москву“ можно изучать сентиментальный стиль не хуже, чем по „Письмам русского путешественника“ и по „Бедной Лизе“ Карамзина» (П. Н. Сакулин, Пушкин и Радищев. М., 1920). Тщательнейшая проверка этого тезиса привела молодого саратовского ученого к прямо противоположным выводам: «Преобладающий и подавляющий круг стилистических средств, — как доказал А. П. Скафтымов, — целиком взят Радищевым из традиционного запаса классической риторики и дидактики середины XVIII века. Это сказывается в недостаточной конкретизации действительности, в отсутствии описательных деталей, в бедности и крайней обобщенности тех образов и живописных линий, какие даны в „Путешествии“». И далее: «Элементы сентиментализма были близки Радищеву лишь в тех реалистических устремлениях, которые частично сентиментализм в себе содержали (созерцание и изображение бытовых форм жизни, элементы гуманизма в изображении деревни и пр.). Индивидуально-специфические качества сентиментализма (наслаждение чувством, анализ эмоциональных состояний, оптимистическое умиление, стремление к „приятности“ в слоге) Радищеву были чужды. Эта сторона находилась бы в противоречии с основным пафосом его общественного призыва» (стр. 103).

⁵ «Материалы и исследования по истории русского языка», т. 2. М. — Л., 1951.

⁶ «Вопросы текстологии», М., 1957, стр. 189—223.

возможности наших периферийных издательств, а потому лишь необходимостью уложиться в рамки установленного листажа объясняем отказ автора от включения в сборник его работ о Достоевском, одна из которых посвящена была «Тематической композиции романа „Идиот“»⁷, а другая — «Запискам из подполья»⁸. Не вошли в новое издание и статьи «Белинский и устное народное творчество» и «Добролюбов и фольклор»⁹.

В полиграфическом отношении книга, выпущенная Саратовским книжным издательством, не совсем безупречна: в ней много опечаток и отсутствует именная указатель.

Ю. Г. Оксман

⁷ Сб. «Творческий путь Достоевского». Л., 1924.

⁸ «Slavia», 1929, вып. XIII, кн. 1 и 2.

⁹ Обе они опубликованы в журнале «Литературный критик», 1936, №№ 2 и 3.